

УДК 343.7

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. Г. МОРОЗ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

De lege ferenda рассматриваются вопросы совершенствования уголовного законодательства в области противодействия коррупционной преступности посредством дифференциации ответственности за совершение коррупционных преступлений в зависимости от сферы управления и служебных отношений, криминализации отдельных видов коррупционных проявлений, ответственность за совершение которых не известна белорусскому уголовному законодательству.

Ключевые слова: противодействие коррупции; коррупционные преступления; перечень коррупционных преступлений; торговля влиянием; незаконное обогащение.

SOME WAYS OF IMPROVING THE REGULATION OF CRIMINAL AND LEGAL COUNTERACTION OF CORRUPTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

D. G. MOROZ^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

De lege ferenda the article deals with the issues of improving the criminal legislation in the field of combating corruption crimes by differentiating the responsibility for corruption crimes depending on the sphere of management and official relations, criminalization of certain types of corruption manifestations not known to the Belarusian criminal law.

Keywords: against corruption; corruption offences; the list of corruption offences; trafficking in influence; illicit enrichment.

Введение

Важное место в уголовном законодательстве практически всех государств мира занимает система норм, устанавливающих ответственность за осуществление коррупционных деяний. Наиболее опасными коррупционными проявлениями признаются те, осуществление которых влечет уголовную ответственность.

Теоретическая разработка уголовной ответственности за совершение коррупционных пре-

ступлений является одним из наиболее актуальных и традиционных направлений в науке уголовного права. Исследование отдельных вопросов, которые были положены в основу научного обоснования уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений, нашли отражение в работах Н. А. Бабия [1], А. В. Баркова [2], А. В. Башана [3], Б. В. Волженкина [4], А. И. Добродея [5], Н. А. Егоровой [6], В. В. Лосева [7] и других ученых-правоведов.

Образец цитирования:

Мороз Д.Г. О некоторых направлениях совершенствования регламентации уголовно-правового противодействия коррупции в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2019;2: 64–71.

For citation:

Moroz DG. Some ways of improving the regulation of criminal and legal counteraction of corruption in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2019;2:64–71. Russian.

Автор:

Дмитрий Георгиевич Мороз – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Dmitriy G. Moroz, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal law, faculty of law. d.moroz@tut.by

Весьма интересным и полезным для уголовно-правовой науки и нормотворческой деятельности представляется доктринальный анализ зарубежного уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за совершение преступлений коррупционной направленности. Разработке проблем уголовной ответственности посвящены работы Т. Б. Басовой [8], В. Н. Додонова [9], О. В. Журкиной [10] и иных исследователей.

Понятие коррупционной преступности можно рассматривать в двух смыслах: в узком и широком.

В узком смысле, по нашему мнению, коррупционную преступность следует понимать с формально юридической точки зрения, в рамках которой акцент делается на включенность коррупционных деяний в специальный перечень коррупционных преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством.

В широком смысле коррупционную преступность можно понимать как совокупность всех преступлений, соответствующих следующим признакам:

- а) преступление совершается должностным лицом или лицом, осуществляющим подкуп должностного лица;
- б) преступление совершается в сфере служебных отношений и вопреки интересам службы;
- в) преступление совершается с использованием служебных полномочий;
- г) преступление совершается из корыстной или иной личной низменной заинтересованности.

В интересах данного исследования коррупционная преступность будет нами пониматься в широком смысле.

В научной литературе отмечается, что коррупционная преступность является разновидностью так называемой «беловоротничковой» преступности. При крайне высокой латентности беловоротничковой преступности и анонимности ее жертв эта преступность во всех разновидностях, в том

числе коррупционной, представляет наибольшую опасность для общества. Более того, для современной беловоротничковой преступности характерна глобализация и международный характер [11, с. 309–311].

По нашему мнению, усиление или расширение уголовной репрессии не может быть признано наиболее оптимальным средством противодействия коррупции. Им являются предупреждение, устранение или минимизация системных причин, условий, факторов, порождающих и способствующих развитию этого негативного социального явления. Уголовный закон является крайним средством предотвращения коррупционных проявлений, который тем не менее сам по себе обладает значительным превентивным антикоррупционным потенциалом и должен применяться в тех ситуациях, когда предупредительная деятельность по предотвращению коррупционных проявлений оказывается недостаточно эффективной.

В Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь на протяжении двадцати лет его существования несколько раз вносились изменения и дополнения, направленные на совершенствование уголовно-правовой регламентации противодействия должностным коррупционным преступлениям. Эти изменения касались в первую очередь действующих норм в части изменения их конструкции¹ и санкций².

В данной статье рассматриваются отдельные вопросы совершенствования уголовного законодательства в области противодействия преступности коррупционной направленности посредством установления особого режима ответственности за совершение подобных преступлений, дифференциации ответственности за совершение коррупционных преступлений в зависимости от сферы управления и служебных отношений, криминализации отдельных видов коррупционных проявлений не известных белорусскому уголовному законодательству.

Основная часть

В различных государствах мира отсутствуют единые подходы к установлению законодательных моделей противодействия коррупционным преступлениям, конструированию системы норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение коррупционных преступлений, уста-

новлению круга преступных деяний, признаваемых в качестве коррупционных.

В настоящее время можно выделить две законодательные модели регламентации противодействия коррупционному преступному поведению.

¹О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-3 [Электронный ресурс]. URL: http://etalonline.by/document/?regnum=h10900042&q_id=965098 (дата обращения: 03.01.2019); О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения : Закон Респ. Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-3 [Электронный ресурс]. URL: http://etalonline.by/document/?regnum=n114001658q_id=965139 (дата обращения: 03.01.2019).

²О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности за преступления, связанные с коррупцией : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2007 г. № 264-3 [Электронный ресурс]. URL: http://etalonline.by/document/?regnum=h10700264&q_id=965147 (дата обращения: 03.01.2019).

Первая законодательная модель регламентации противодействия коррупционному преступному поведению выражается в определении границ преступного коррупционного поведения посредством принятия перечня коррупционных преступлений (преступлений коррупционной направленности) в подзаконном ведомственном нормативном правовом акте. Правовое значение перечня коррупционных преступлений заключается в обеспечении криминологического анализа состояния и уровня коррупционной преступности и принятия эффективных мер по ее предотвращению. Такая законодательная модель применяется в Республике Беларусь, Российской Федерации и некоторых других государствах.

Вторая законодательная модель регламентации противодействия коррупционному преступному поведению выражается в определении границ преступного коррупционного поведения посредством принятия перечня коррупционных преступлений (преступлений коррупционной направленности) в самом УК. Правовое значение этого перечня в данном случае заключается в установлении особого режима уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений. Среди прочего такой особый режим уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений характеризуется установлением особого порядка назначения наказаний за совершение коррупционных преступлений, установлением законодательного запрета на применение к лицам, совершающим коррупционные преступления, норм Общей части УК, смягчающих или освобождающих от уголовной ответственности. Такая законодательная модель применяется в Украине³ и Казахстане⁴.

Имеются основания полагать, что для Республики Беларусь может быть полезен опыт тех государств, в которых регламентация противодействия коррупционному преступному поведению осуществляется посредством установления границ преступного коррупционного поведения в самом УК и, соответственно, в установлении особого режима уголовной ответственности лиц, признанных виновными в совершении таких преступлений [12, с. 186–192].

Представляется, что в качестве мер, направленных на усиление уголовной ответственности, в нормах Общей части УК может быть также рассмотрен вопрос о значительном увеличении сроков давности или вообще об отмене сроков давности за совершение если не всех, то хотя бы наиболее тяжких и опасных коррупционных преступлений.

Законодательные подходы к конструированию системы норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение коррупционных преступлений, также имеют существенные отличия в государствах мира. Во многих из них законодатель осуществляет четкую дифференциацию в структуре уголовного закона между преступлениями должностных лиц и преступлениями частных лиц против государственной службы.

В одних случаях эта дифференциация происходит в рамках одной структурной части УК. Например, в УК Франции в разделе 3 «Посягательства на осуществление государственной власти» выделяются гл. 2 «О посягательствах на государственное управление, совершенных публичными должностными лицами» и гл. 3 «О посягательствах на государственное управление, совершенных частными лицами» [13].

В других случаях эта дифференциация в рамках одной структурной части УК не осуществляется. В частности, в УК Швейцарии преступления должностных лиц и преступления частных лиц против государственной службы не объединяются общим родовым объектом, поэтому их можно обнаружить в различных частях уголовного кодекса [14].

Существуют и иные подходы к построению системы норм, устанавливающих ответственность за совершение коррупционных преступлений. В зависимости от объекта уголовно-правовой охраны в сфере служебной деятельности существуют следующие законодательные модели.

В уголовном законодательстве одной группы государств существует четкая дифференциация системы норм, устанавливающих ответственность за совершение коррупционных преступлений в публичной (государственной и муниципальной) сфере управления и частной (коммерческой и некоммерческой) сфере управления. В этих государствах нормы об ответственности за совершение коррупционных преступлений содержатся в различных структурных частях Особенной части УК. В УК Молдовы⁵ и Казахстана законодатель отнес нормы, устанавливающие ответственность за совершение коррупционных преступлений в зависимости от сферы служебной деятельности в разные главы Особенной части УК. Аналогичный подход нашел место и в УК Российской Федерации, в котором выделяются гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»⁶.

³Кримінальний кодекс України [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14> (дата обращения: 03.01.2019).

⁴Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 03.01.2019).

⁵Уголовный кодекс Молдовы [Электронный ресурс]. URL: <http://lex.justice.md/ru/331268> (дата обращения: 03.01.2019).

⁶Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (дата обращения: 03.01.2019).

В других государствах такая дифференциация отсутствует и, соответственно, основания и условия уголовной ответственности не зависят от того, в какой сфере управления – публичной или частной – было совершено коррупционное преступление. В указанной группе государств нормы об ответственности за совершение коррупционных преступлений содержатся в одной структурной части Особенной части УК. В УК Азербайджана, Украины и Эстонии законодатель объединяет в одну главу преступления против службы в *любом секторе* (государственном, муниципальном или частном): в УК Азербайджана – «Коррупционные преступления и иные преступления против интересов службы»⁷, в УК Украины – «Преступления в сфере служебной деятельности», в Пенитенциарном кодексе Эстонии – «Должностные виновные деяния»⁸.

Уголовное законодательство Республики Беларусь придерживается второй законодательной модели. Из смысла названия гл. 35 УК Республики Беларусь – «Преступления против интересов службы» – вытекает, что законодатель не конкретизирует, о какой службе – публичной (государственной) или частной (негосударственной) – идет речь. При этом в ч. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь указывается, что должностными признаются лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности в учреждениях, организациях или на предприятиях независимо от форм собственности.

Вместе с тем в уголовно-правовой литературе указывается, что одним из признаков должностных коррупционных преступлений является их совершение вопреки интересам службы. Трудности в толковании данного признака заключаются в том, что понятие должностного лица осталось прежним (в него входят лица, занимающие соответствующие должности на предприятиях государственной формы собственности), а интересы службы в частной сфере управления имеют в определенной мере автономный характер по отношению к интересам государства. Это становится очевидным при оценке некоторых действий по службе в частной сфере управления в качестве злоупотребления соответствующего должностного лица [15, с. 965].

Необходимо также отметить, что в гл. 35 УК Республики Беларусь предусмотрены некоторые нормы, которые устанавливают ответственность за совершение коррупционных преступлений исключительно в сфере государственного управления. Совершение аналогичных деяний в частной сфере управления не предусматривает уголовную ответственность. Например, в ст. 429 УК Республи-

ки Беларусь устанавливается ответственность за учреждение должностным лицом, находящимся на государственной службе, организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо участие его в управлении такой организацией лично или через иное лицо вопреки запрету, установленному законом, если должностное лицо, используя свои служебные полномочия, предоставило такой организации льготы и преимущества или покровительствовало в иной форме.

Еще одно преступление против интересов службы, которое, по мнению законодателя, может быть совершено только работником государственного органа либо иной государственной организации, не являющимся должностным лицом, – принятие незаконного вознаграждения (ст. 433 УК). Данное преступление не относится к коррупционным, но по своему содержанию и социальной значимости вполне к ним приближается.

Исходя из вышесказанного, имеются основания полагать, что одним из вариантов разрешения возникающих на практике проблем рассогласованности уголовно-правовой регламентации интересов службы в частной сфере управления с государственно-публичными интересами может быть дифференциация ответственности в отдельных главах УК Республики Беларусь норм, устанавливающих ответственность за совершение коррупционных преступлений в зависимости от того, в какой сфере – публичной (государственной) или в частной (негосударственной) – они совершены.

Имеются основания полагать, что ответственность за совершение преступлений против службы в интересах государства может быть установлена в нормах гл. 35 УК Республики Беларусь. При этом УК Республики Беларусь может быть дополнен гл. 25¹ «Преступления против службы в коммерческих и иных некоммерческих организациях». Каков должен быть перечень норм, который может содержаться в данной главе, – тема для отдельного исследования. Безусловно, нормы и о взятничестве, и о должностных злоупотреблениях должны найти в ней отражение. При этом следует отметить, что, по нашему мнению, в предполагаемую гл. 25¹ УК Республики Беларусь могут быть перемещены некоторые нормы, содержащиеся в иных главах. В частности, к преступлениям против службы в коммерческих и иных некоммерческих организациях могут быть отнесены коммерческий подкуп, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 252 УК Республики Беларусь, а также подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований

⁷Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 03.01.2019).

⁸Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://v1.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/penitenciarnyy-kodeks> (дата обращения: 03.01.2019).

и зрелищных коммерческих конкурсов, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 253 УК Республики Беларусь. Можно, например, отметить, что в УК Российской Федерации ответственность за коммерческий подкуп предусмотрена не в главе о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, а в главе о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Одним из возможных направлений совершенствования в Республике Беларусь уголовно-правой регламентации противодействия коррупции может быть криминализация отдельных коррупционных проявлений, среди которых – торговля влиянием.

Торговля влиянием является одним из коррупционных проявлений, имеющих определенное сходство с посредничеством во взяточничестве, от которого она отличается тем, что получатель незаконного вознаграждения обязуется не передать его должностному лицу, а воздействовать на последнее за счет личных фактических отношений (родственных, дружеских, профессиональных и т. п.).

Торговля влиянием в качестве самостоятельного преступления или иным образом специально криминализована в УК Грузии⁹, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, Франции и ряде других государств. Однако следует отметить, что в способах криминализации торговли влиянием имеются существенные различия.

В большинстве государств пассивным субъектом торговли влиянием может быть не только государственное должностное, но и любое другое лицо. В УК Латвии¹⁰, Литвы [16], Молдовы, Польши [17] составы торговли влиянием сформулированы так, что не содержат никаких признаков, отличающих данное преступное деяние от законной лоббистской, адвокатской или правозащитной деятельности. Нет никаких указаний на то, что влияние осуществляется незаконным образом или имеет целью принятие незаконного решения органом власти.

Согласно ст. 230 УК Польши, «лицо, которое, ссылаясь на свое влияние в государственном учреждении или органе местного самоуправления, принимает на себя посредничество в разрешении вопроса взамен на получение имущественной выгоды или на ее обещание, подлежит наказанию ...» [17].

В соответствии с ч. 1 ст. 326 УК Молдовы наказывается «принятие или вымогательство денег,

ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера, согласие принять услуги, имущество или выгоды лично или через посредника для себя или для другого лица, совершенные умышленно лицом, имеющим влияние на служащего или утверждающим, что имеет такое влияние, с целью побудить последнего к выполнению или невыполнению действий, входящих в его служебные обязанности, независимо от того, были совершены такие действия или нет».

В ст. 433-1 УК Франции торговля влиянием должностным лицом в пассивной форме является альтернативным признаком одного состава преступления с пассивным взяточничеством.

Торговля влиянием частными лицами сформулирована в ст. 433-2 УК Франции в виде отдельного состава преступления.

В некоторых государствах постсоветского пространства торговля влиянием частично криминализована путем указания в диспозиции состава получения взятки следующего альтернативного признака: «За действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица *либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию)*» (Азербайджан, Армения¹¹, Грузия, Россия, Таджикистан¹², Туркменистан¹³). В указанных государствах торговля влиянием рассматривается законодателем как частный случай взяточничества. Ответственность за торговлю влиянием несет не только должностное лицо, но и лицо, которое склоняет или подкупает должностное лицо в целях оказания последнему незаконного влияния.

Представляется возможным в порядке научной дискуссии рассмотреть вопрос о криминализации торговли влиянием и в УК Республики Беларусь.

Еще одним коррупционным проявлением, которое криминализовано в уголовном законодательстве зарубежных государств, является «незаконное обогащение должностного лица». Незаконное обогащение публичных служащих является одним из наиболее распространенных случаев коррупции. Однако в данном случае речь идет не о незаконных доходах публичных служащих вообще, а специфическом усеченном составе преступления, представляющем собой изъятие из принципа презумпции невиновности [9, с. 465–466].

⁹Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс]. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения: 03.10.2018).

¹⁰Kriminālikums (Уголовный закон Латвийской Республики) [Электронный ресурс]. URL: <http://likumi.lv/ta/id/88966> (дата обращения: 03.01.2019).

¹¹Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus> (дата обращения: 03.01.2019).

¹²Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/document/?dic_id=30397325 (дата обращения: 03.01.2019).

¹³Уголовный кодекс Туркменистана [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 03.01.2019).

Следует отметить, что и в Республике Беларусь на практике имеют место случаи незаконного обогащения должностных лиц. Вследствие этого Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон) предусматривает меры, направленные на противодействие незаконному обогащению должностных лиц. В соответствии с абзацем 3 ст. 5 Закона устанавливаются специальные требования, направленные на обеспечение финансового контроля в отношении государственных должностных и приравненных к ним лиц в целях предотвращения проявлений коррупции и их выявления. К числу таких требований относится декларирование доходов и имущества государственных должностных и приравненных к ним лиц. В абзаце 1 ст. 26 Закона устанавливается, что обязательному декларированию в случаях и порядке, предусмотренных данной статьей, подлежат доходы, полученные в течение календарного года от источников в Республике Беларусь, а также от источников за ее пределами.

Невыполнение данного требования влечет для должностного лица неблагоприятные правовые последствия. В частности, в ст. 34 Закона установлено, что непредставление декларации о доходах и имуществе или внесение в нее неполных или недостоверных сведений государственными должностными и приравненными к ним лицами являются основанием для отказа в назначении на другую должность либо для привлечения к дисциплинарной ответственности вплоть до освобождения от занимаемой должности (увольнения).

В случаях установления в ходе проверки деклараций о доходах и имуществе должностных лиц явного превышения стоимости принадлежащего им имущества и иных расходов за не более чем 10 лет над доходами, полученными из законных источников, имущество и иные расходы на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, безвозмездно изымаются (взыскиваются) или взыскивается стоимость такого имущества в доход государства на основании решения суда по иску прокурора. Под явным превышением стоимости имущества и иных расходов над доходами, полученными из законных источников, понимается превышение, составляющее не менее 25 % от доходов, полученных из законных источников.

Уголовная ответственность за непредставление декларации о доходах и имуществе или внесение в нее неполных или недостоверных сведений, а также за явное превышение стоимости имущества и иных расходов над доходами, полученными из законных источников, в Республике Беларусь не предусмотрена.

Вместе с тем Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (далее – Конвенция ООН) в ст. 20 предлагает государствам рассмотреть возможность крими-

нализации *незаконного обогащения*: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать». Рекомендация Конвенции ООН была воспринята законодателями ряда государств, которые воспроизвели у себя в законодательстве состав незаконного обогащения в предложенном виде.

Например, в соответствии с ч. 1 ст. 395 УК Китая «при очевидном превышении законных поступлений на крупную сумму собственности или расходов государственных работников можно требовать объяснения их источника. Государственный работник, не сумевший объяснить законность их источника, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет либо арестом, разница в суммах рассматривается как незаконный доход; часть собственности, превышающая законную, взыскивается» [18].

Состав, связанный с незаконным обогащением государственных служащих содержит ч. 2 ст. 395 УК Китая: «Государственные работники, имеющие вклады за границей, обязаны в соответствии с государственными установлениями заявить о них. Утаивание информации на значительную сумму наказывается лишением свободы на срок до двух лет либо арестом; при смягчающих обстоятельствах организацией по месту работы или вышестоящим компетентным органом с учетом обстоятельств налагается административное взыскание» [18].

В УК Аргентины содержится гл. IX/2 «Незаконное обогащение государственных чиновников и служащих». На основании ст. 268/2 УК Аргентины наказывается тот, «кто в ответ на законное требование не предоставил оправдание происхождению своего значительного по размерам имущественного обогащения или обогащения, использовавшегося им в целях прикрытия подставного лица, осуществленных во время пребывания на государственном посту или должности и в период до двух лет после ухода с указанного поста или должности». В соответствии со ст. 268/3 УК Аргентины наказание назначается «тому, кто, будучи в силу своего должностного положения обязанным представить имущественную декларацию, злонамеренно не сделал этого» [19].

Идея имплементации в национальные законодательства ст. 20 Конвенции ООН, предлагающей государствам рассмотреть возможность крими-

лизации *незаконного обогащения*, поддерживается и в криминологической литературе [11, с. 335].

По нашему мнению, вопрос о криминализации незаконного обогащения должностных лиц также

в порядке научной дискуссии может быть рассмотрен при определении основных направлений совершенствования уголовно-правовой регламентации противодействия коррупции в Республике Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Бабий НА. *Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта*. Минск: Тесей; 2011. 858 с.
2. Барков АВ. Понятие должностного лица и судебная практика по уголовным делам. В: Хомич ВМ, редактор. *Судебная практика в контексте принципов права и законности*. Минск: Тесей; 2006. с. 90–103.
3. Башан АВ. Правовые ограничения и повышенная ответственность для лиц, занимающихся подкупом госслужащих, как основа эффективной борьбы с коррупцией. *Pravo.by*. 2014;5:12–16.
4. Волженкин БВ. *Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2005. 558 с.
5. Добродей АИ. К вопросу о предмете взятки. *Юстиция Беларуси*. 2002;5:47–50.
6. Егорова НА. Коррупционные преступления: понятие, виды, проблемы квалификации. *Российский ежегодник уголовного права*. 2014;7:286–326.
7. Лосев ВВ. *Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации*. Минск: Амалфея; 2010. 175 с.
8. Басова ТБ. *Ответственность должностных лиц по уголовному законодательству стран Восточной Азии*. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет; 2014.
9. Додонов ВН, Капинус ОС, Щерба СП. *Сравнительное уголовное право. Особенная часть*. Москва: Юрлитинформ; 2010. 543 с.
10. Журкина ОВ. Особенности уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в уголовном праве Испании. *Вопросы российского и международного права*. 2018;8(6A):65–70.
11. Гишинский ЯИ. *Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль*. Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс; 2018. 517 с.
12. Мороз ДГ. Законодательные модели противодействия коррупционной преступности в Беларуси, России, Украине, Казахстане, Кыргызстане. В: Лобанова ЛВ, редактор. *Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции Российской Федерации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции; 12–13 декабря 2018 г.; Волгоград, Россия*. Волгоград: ВолГУ; 2018. с. 186–192.
13. Крылова НЕ, переводчик. *Уголовный кодекс Франции*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2002. 648 с.
14. Серебренникова АВ, переводчик. *Уголовный кодекс Швейцарии*. Москва: Зерцало; 2000. 138 с.
15. Барков АВ, Хомич ВМ, редакторы. *Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь*. Минск: ГИУСТ; 2010. 1064 с.
16. Казанскене ВП, переводчик. *Уголовный кодекс Литовской Республики*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2002. 280 с.
17. Барилевич ДА, переводчик. *Уголовный кодекс Республики Польша*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2001. 234 с.
18. Коробеев АИ, редактор. *Уголовный кодекс Китая: сборник документов*. Москва: Инфра-М; 2017. 256 с.
19. Голик ЮА, редактор. *Уголовный кодекс Аргентины*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2003. 288 с.

References

1. Babiy NA. *Kvalifikatsiya vzyatochnichestva: nauchnoe issledovanie belorusskogo i rossiiskogo opyta* [Bribery qualification: scientific research Belarusian and Russian experience]. Minsk: Teseus; 2011. 858 p. Russian.
2. Barkov AV. [Concept of official and judicial practice in criminal cases]. In: Khomich VM, editor. *Sudebnaya praktika v kontekste printsipov prava i zakonnosti* [Judicial practice in the context of the principles of law and legality]. Minsk: Teseus; 2006. p. 90–103. Russian.
3. Bashan AV. [Legal restrictions and increased responsibility for persons engaged in bribery of civil servants, as the basis for an effective fight against corruption]. *Pravo.by*. 2014;5:12–16. Russian.
4. Volzhenkin BV. *Sluzhebnye prestupleniya: kommentarii zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki* [Official crimes: review of legislation and judicial practice]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2005. 558 p. Russian.
5. Dobrodey AI. [To the question of the subject of bribes]. *Yustitsiya Belarusi*. 2002;5:47–50. Russian.
6. Egorova NA. [Corruption crimes: concept, types, problems of qualification]. *Rossiiskii ezhegodnik ugovnogo prava*. 2014;7:286–326. Russian.
7. Losev VV. *Prestupleniya protiv interesov sluzhby: yuridicheskii analiz i pravila kvalifikatsii* [Crimes against the interests of the service: legal analysis and qualification rules]. Minsk: Amalfeya; 2010. 175 p. Russian.
8. Basova TB. *Otvetstvennost' dolzhnostnykh lits po ugovnomu zakonodatel'stvu stran Vostochnoi Azii* [Responsibility of officials under the criminal legislation of the East Asian countries]. Vladivostok: Far East Federal University; 2014. Russian.
9. Dodonov VN, Kapinus OS, Shcherba SP. *Sravnitel'noe ugovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Comparative criminal law. Special part]. Moscow: Yurlitinform; 2010. 543 p. Russian.
10. Zhurkina OV. The features of criminal liability for corruption-related crimes in the criminal law of Spain. *Matters of Russian and International Law*. 2018;8(6A):65–70. Russian.
11. Gilinsky YI. *Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'* [Criminology: theory, history, empirical base, social control]. Saint Petersburg: Alef Press; 2018. 517 p. Russian.

12. Moroz DG. [Legislative models of combating corruption crime in Belarus, Russia, Ukraine, Kazakhstan, Kyrgyzstan]. In: Lobanova LV, editor. *Optimizatsiya pravovoi osnovy protivodeistviya prestupnosti: k 25-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 12–13 dekabrya 2018 g.; Volgograd, Rossiya* [Optimization of the legal basis for combating crime: the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Collection of articles of International scientific-practical conference; 12–13 December 2018; Volgograd, Russia]. Volgograd: Volgograd State University; 2018. p. 186–192. Russian.
13. Krylova NE, translator. *Ugolovnyi kodeks Frantsii* [Criminal Code of France]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2002. 648 p. Russian.
14. Serebrennikova AV, translator. *Ugolovnyi kodeks Shveitsarii* [Criminal Code of Switzerland]. Moscow: Zertsalo; 2000. 138 p. Russian.
15. Barkov AV, Khomich VM, editors. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Belarus'* [Scientific and practical commentary to the Criminal Code of the Republic of Belarus]. Minsk: State Institute of Management and Social Technologies; 2010. 1064 p. Russian.
16. Kazanskene VP, translator. *Ugolovnyi kodeks Litovskoi Respubliki* [Criminal Code of the Republic of Lithuania]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2002. 280 p. Russian.
17. Barilovich DA, translator. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Pol'sha* [Criminal Code of the Republic of Poland]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2001. 234 p. Russian.
18. Korobeev AI, editor. *Ugolovnyi kodeks Kitaya: sbornik dokumentov* [Criminal Code of China: collection of documents]. Moscow: Infra-M; 2017. 256 p. Russian.
19. Golik YA, editor. *Ugolovnyi kodeks Argentiny* [Criminal Code of Argentina]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2003. 288 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.04.2019.
Received by editorial board 16.04.2019.